

Ирина ФОМЕНКОВА

ГИТАРЫ НЕЖНЫЕ АККОРДЫ

Из цикла «Память и беспамятство»

Антонина Тимофеевна Егорова берёт в руки старенькую гитару. «Моя ветераночка», – ласково говорит она, тихо перебирая струны. Голос у неё совсем молодой, сильный. И лицо молодеет от светлой улыбки.

Родилась она в Калининской области. Девятнадцатилетняя Тоня успела до войны закончить курсы медсестёр. Война застала её в материнском доме на узловой станции Идрица. Частые бомбёжки вынуждали жителей спасаться в лесах. Тоня с родными поселилась у тёти Марьяны, их деревеньку немцы обошли.

Тяжёлая неизвестность сжимала сердце. Страх и отчаянье прочно поселились в деревенских хатах. И только иногда Тоня брала гитару и тихо пела свои любимые романсы в маленьком доме под старыми липами:

Запад угас, и лучи догорели
За дальней угрюмой горой.
И где-то печально дубы прошумели,
И шепчется ветер с листвою.

Тётя Марьяна вздыхала и говорила: «В артистки тебе надо! Такой голос! Да только какие теперь театры...»

Мягкий покров женственности опускался на лицо Тони. Голос её, высокий, сильный. «руслановский», как говорили её подружки, сложился в каких-то неведомых народных глубинах. Согреваясь теплом гитары, она старалась отвести тревожные мысли.

Сельчане поделили между собой созревшие поля ржи, и Тоня с Марьяной и мамой вышли на уборку своей делянки. Тоня привычно работала, прислушиваясь к тишине поля. В какой-то миг, связывая очередной сноп, она повернулась и увидела рослого, крепкого мужчину с бородой.

– Здорово, бабоньки! – широко, по-доброму улыбнулся он.

– И тебе не хворать, – настороженно откликнулась Марьяна.

Улыбчивый мужчина тут же сосредоточил ласково прищуренные глаза на Тоне. Она сердито одёрнула юбку, но успела заметить его пытливый взгляд и крепкие загорелые руки. И что-то в ней по-девичьи защемило-заныло около сердца, словно тронула гитарную струну.

– Тоня! – сердито сказала мама. – Мы не знаем его! Он не из наших.

– Я из наших, – спокойно сказал незнакомец, и стало видно, что он совсем молодой. – Попить не дадите?

Тоня молча протянула ему жбан с молоком.

Так она встретилась с человеком, определившим её дальнейшую судьбу. Это был Фёдор Степанович Задерин, командир партизанского отряда, позднее влившегося в Седьмую Калининскую бригаду, которая дислоцировалась в Псковской области.

Тоня стала медсестрой при отряде.

Жизнь в землянках, кровавые бинты, стоны – сплошные нечеловеческие страдания. И только в редкие вечера затишья Тоня по просьбе друзей пела. Потому что основа человеческой жизни не в страданиях, а в надежде... Она тихо выводила красивую стройную мелодию:

Мой костёр в тумане светит,
Искры гаснут на лету.
Ночью нас никто не встретит...

В сполохах костра высвечивалось лицо Фёдора. И она понимала, что поёт прежде всего для него. И он это понимал. Искорками горького счастья взметался их костёр любви.

В начале 1944 года партизанскую зону обложили фашисты со всех сторон. Все попытки вырваться были безуспешными. А тут ещё и тиф начал косить людей. Тоне и её подруге приказали вывести нескольких раненых к партизанскому аэродрому. Лошадёнка, старая и худющая, еле волокла сани. По дороге умер один боец, началась горячка у второго. В какую-то минуту, придя в себя, он вдруг попросил: «Тонечка, спой что-нибудь. Тихонечко!» И она, положив его голову себе на колени, запела песню, похожую на рассказ сказительницы:

Среди долины ровныя...

Довезли они раненых к самолёту вовремя, спасли. А сами в горячке свалились: тиф!

...Тоня очнулась от косого солнечного луча, скользнувшего по её светло-русой головке. Луч задержался у виска и согрел её. Пахло мхом и ещё чем-то очень знакомым. На столе светился в солнце кочан квашеной капусты, источающей особенный, давно забытый домашний аромат. Тоня затрепетала, как воробей, отогревшийся в тёплых ладонях. К ней окончательно пришло сознание того, что она жива. И в душе её тихо зазвучали нежные аккорды гитары.

Ирина ФОМЕНКОВА. [Об авторе.](#)